В.С. СОЛОВЬЕВ О ТЕОКРАТИЧЕСКОМ ПРИЗВАНИИ РОССИИ

Е.П. Сугатова

Вопрос о всемирном предназначении России, о ее теократической задаче красной нитью проходит через все философское творчество В.С.Соловьева. Этому осмыслению он посвятил множество своих работ: «Русская идея», «Россия и Вселенская Церковь», «Византизм и Россия», «Три силы», «Владимир Святой и христианское государство», «Еврейство и христианский вопрос», «Три речи в память Достоевского», два выпуска «Национального вопроса в России». В связи с этим, справедливо мнение современного исследователя Б.В. Емельянова, отмечаящего, что В.С. Соловьев не был бы истинно русским философом, если бы не принял попытки или хотя бы не помыслил о воплощении своих идей относительно России. Именно в вопросе о миссии России «обнаруживается болевая точка, обнаженный нерв его пульсирующей мысли» [1, с.111].

В.С.Соловьев рассматривал историю человечества с точки зрения воплощения идеи вселенской теократии. Определяя теократию как основанную на любви и правде всеобъемлющий и всеединящий общественный строй, как осуществление боговластия, философ видел ее основную цель в соединении Бога с человеком через проникновение религиозного начала в жизнь отдельного человека, народов и человечества в целом. Значительную роль в ее созидании, по мнению В.С.Соловьева, призвана сыграть Россия.

Еще в ранней работе «Три силы» философ обосновывал закономерность появления третьей силы - России, которая должна соединить мертвелое человечество с вечной Божественной идеей, объединить мир в совершенный организм богочеловечества, осуществить синтез достижений Запада и Востока. Спустя одиннадцать лет в своей знаменитой лекции «Русская идея», он предельно четко сформулировал свое понимание провиденциальной роли России во всемирной истории – восстановить на земле верный образ божественной Троицы. По убеждению В.С.Соловьева, русская идея требует от России признания неразрывной связи с вселенским семейством Христа и обращения всех национальных дарований, всей мощи империи на окончательное осуществление теократии.

Подтверждение теократической миссии России В.С.Соловьев находил в ее истории и характере русского народа. Свидетельством тому, с его точки зрения, являются три последовательные отречения. Первым принципиально важным событием в истории Киевской Руси было призвание варягов, которое В.С. Соловьев оценивал как великий подвиг народного духа. В статье «О народности и народных делах в России» философ отмечал, что «склонность к розни и междоусобицам, неспособность к единству и организации были всегда, как известно, отличительным свойством славянского племени» [2, с. 285]. Родоначальники русской истории, как называл их В.С.Соловьев, зная это отличительное свойство славян и, не видя у себя дома никаких элементов единства и порядка, решились призвать их извне и не побоялись подчиниться чужой воле, явив этим силу русского народа. В противном случае, по мнению В.С.Соловьева, восточные славяне, как многие их западные собратья, могли бы быть захвачены и ассимилированы чужеземцами. Философ видел мудрость предков в том, что они, сознавая несовершенство правления Рюриков, все же не стали грезить о несбыточном идеальном государстве, а предприняли попытки к его созданию. Таким образом, русские, с точки зрения В.С.Соловьева, были спасены от гибели не национальным эгоизмом и самоумнением, а именно национальным самоотречением.

Следующим значительным событием в истории Киевской Руси, определившим ее дальнейшее развитие и духовное призвание, было принятие христианства при Владимире Святом. В.С.Соловьев отмечал, что киевский князь и его дружина, не побоявшись принять новую веру от своих национальных врагов, с которыми они были в открытой войне, явили подвиг национального самоотречения. Первый христианский князь, крестившись, сразу понял ту простую истину, которой никак не понимали ни византийские императоры, ни епископы греческие, включая и тех, которые были присланы в Киев для наставления новых христиан, — он понял, что «*истинная вера обязывает*, именно обязывает переменить правила жизни, своей и общей, согласно с духом новой веры» [3, с. 566]. Новокрещен-

ный Владимир Красное Солнышко, как его прозвали потомки, подчинил духу Христову всю внешнюю и внутреннюю политику: как истинно христианский государь отрицательно относился к войне с христианскими народами, считал несогласованным с учением Христа смертную казнь, проявлял постоянную заботу о бедствующем населении. В.С. Соловьев считал, что первые века после принятия Русью христианства ознаменованы общепризнанным авторитетом духовной власти и зачатками теократии. Правитель и народ, одинаково преклоняясь перед нравственною силой церкви, ставили для себя общую цель – водворение правды Божьей на земле.

Третий пример национального самоотречения философ видел в реформах Петра Великого, считая их прямым порождением русского народного духа. В.С.Соловьев, как и его отец известный историк С.М. Соловьев, положительно оценивая деяния великого Петра, усматривал его заслугу в том, что он ради народного блага и его будущности «беспощадно разбил твердую скорлупу исключительного национализма, замкнувшую в себе зерно русской самобытности, и смело бросил это зерно на почву всемирной европейской истории» [4, с.72].

Петровская реформа, по мнению В.С. Соловьева, оказала благотворное воздействие на культурное развитие страны: без этой реформы не было бы в России ни Пушкина, ни Глинки, ни Гоголя, ни Достоевского, ни Тургенева, ни Толстого, ни западников, ни славянофилов. Но самое главное, с точки зрения философа, реформаторская деятельность Петра I способствовала делу теократии: «через европейское просвещение русский ум раскрылся для таких понятий как человеческое достоинство, права личности, свобода совести и т.д., без которых невозможно достойное существование, истинное совершенствование, а следовательно, невозможно и христианское царство» [3, с. 578]. В.С. Соловьев считал, что петровские реформы, имеющие подготовительный характер, были необходимы для всемирно-исторической задачи России, суть которой заключена в ее религиозном предназначении. К нему она подготовлялась и развитием своей государственности, и развитием своего сознания.

По мнению философа, первым практическим условием организации мирового общества по-христиански является согласованность мирской власти с авторитетом духовным, государства – с Церковью, с Царством Христовым и с его священством, чтобы меж-

ду этими двумя сферами существовали нравственные и свободные отношения, соответствующие идеалу свободной теократии. Первый теократический элемент – начало первосвященническое – достигло крайней степени развития в католичестве, второй царский элемент – в российской монархии. Таким образом, воссоединение этих двух теократических начал – Царства и Священства должно стать важнейшим этапом созидания теократии.

Но эта цель не может быть достигнута, пока видимая Церковь пребывает разделенною. С точки зрения В.С.Соловьева, воссоединение Церковей есть событие не только всемирно-историческое, но и космическое, потому что с воссоединения христианской Церкви, которая есть тело Христово, должно начаться преобразование всего человечества. Идея воссоединения Церковей совершенно овладела философом с начала 80-х годов и стала центром всех его мыслей. В письме к своему единомышленнику католическому епископу Штроссмайеру, В.С.Соловьев писал: «От этого соединения зависят судьбы России, славянства и всего мира. Мы, русские, православные и весь Восток ничего не можем сделать, пока не загладим грех церковного разделения, пока не воздадим должное власти первосвященнической» [5, с.180].

В «Трех речах в память Достоевского» философ отмечал, что если христианство есть религия спасения; если христианская идея состоит в исцелении и внутреннем соединении, то сущность истинного христианского дела заключается в том, «что на логическом языке называется *синтезом*, а на языке нравственном – *примирением*» [6, с. 315]. Но эта задача, по мнению В.С. Соловьева, останется пустой мечтой и источником мировых и национальных проблем пока не будет признано внутреннее единство восточной и Западной Церкви, как нераздельных в основе своей частей тела Христова. Философ подчеркивал, что в вопросе о соединении церквей речь идет не об уступках и компромиссах в церковно-политических и национальных вопросах, а об устранении внутренней причины этой борьбы через духовное примирение на почве чисто религиозной. По его мнению, пока внутреннее единство не восстановлено, то до тех пор политическая и национальная борьба остается в своих правах.

В «Чтениях о Богочеловечестве» В.С. Соловьев обосновывал закономерность разделения Церковей, их взаимодополняемость и

насушную необходимость воссоединения. С его точки зрения, истинное богочеловеческое общество, созданное по образу и подобию Богочеловека, должно представлять свободное согласование божественного и человеческого начала. В.С.Соловьев считал, что по закону развития совместное исполнение этих двух требований, как высший идеал общества, не могло быть дано разом, а должно быть достигаемо.

Восток, по мнению христианского мыслителя, сохранил божественное начало, выработав для этого консервативное и аскетическое настроение. Запад же употребил все свою энергию на развитие человеческого начала. С точки зрения В.С.Соловьева, сохраненный Востоком Божественный элемент христианства может достигнуть своего совершенства в человечестве, ибо ему теперь есть на что воздействовать, есть на чем проявить свою внутреннюю силу. Поэтому оба эти исторические направления не только не исключают друг друга, но совершенно необходимы для полноты христианства во всем человечестве. По убеждению философа, настало время для воссоединения Церквей, без которого невозможно продвижение Дела Божьего на земле.

В.С. Соловьев, отвечая на выступления многочисленных критиков воссоединения, подчеркивал, что беспокойство о латинизации православной Церкви беспочвенно: после воссоединения православная Церковь должна сохранить не только свой обряд, но и свою административную автономию. Он писал: «Мы принадлежим и всегда будем принадлежать к русской церкви, но мы должны помнить, что главное дело в существительном *церковь*, а не в прилагательном *русская*» [7, с. 400].

Осознание единства святой соборной и апостольской Церкви, от России, по мнению философа, требует явить новый подвиг национального духа. Для этого подвига требуется двойное действие: как со стороны церковных и общественных людей, так и со стороны правительства. Российскому обществу, с точки зрения В.С.Соловьева, нужно проявить более христианское, более справедливое отношение к церковному Западу. От правительства же требуется снять заборы, загорадившие православную церковь от западной. Необходимо также возвращение религиозной истине свободы, без которой невозможна религиозная жизнь, преобразующая общественную жизнь по Божественным Законам.

Однако, размышляя о «привилегиях» России, русский мыслитель в письме в редакцию журнала «Przegląd polski» подчеркивал, что они лишь благоприятные условия, налагающие на государя и на нацию особую обязанность в отношении христианского человечества. Будущее России, по его мнению, зависит не от ее физической мощи и исторических преимуществ, а от нравственных действий, через которые она может направлять свою мощь и свои преимущества на службу добрым или злым целям. «Я не *предсказываю* события, - писал В.С.Соловьев, - которые должны произойти, но *проповедую* действия, которые надо *совершить*» [8, с. 268].

Но все воззвания В.С.Соловьева оставались гласом вопиющего в пустыне. Сам папа Лев XIII признал соловьевский план соединения церквей прекрасной, но невозможной для осуществления идеей. В русском обществе философ постоянно подвергался беспощадной критике и обвинениям. Так, например, резко критическую позицию по отношению к философу и его теократическому учению занял харьковский журнал «Вера и разум», в котором на протяжении 1885 - 1889 годов было опубликовано более двух десятков критических статей. О других же нападках в прессе на воззрения В.С.Соловьева можно судить по его многочисленным ответам на страницах «Руси», «Церковного вестника», «Вестника Европы», «Русской мысли», «Русских ведомостей», «Московских ведомостей», «Нового времени» и других.

Проповедь В.С.Соловьева о воссоединении единого христианского древа возбудила не только жаркие дискуссии на страницах журналов и газет, но была причиной запрета на издание его сочинений и публичных выступлений, едва не приведя его на Соловки. Философ осуществил соединение Церквей в себе актом 18 февраля 1896 года, исповедуясь и прочтя перед католическим священником о.Толстым Исповедание веры Тридентского собора. Сам В.С.Соловьев не воспринимал это событие как каноническое присоединение к католической церкви. Исповедуя религию Святого Духа, он считал себя, прежде всего, членом Вселенской Церкви. Символично и то, что после смерти В.С. Соловьева на его могиле в Новодевичьем монастыре были «неведомой рукой» поставлены две иконы: одна – икона Воскресения из Старого Иерусалима с греческой надписью «Христос воскрес из мертвых», другая – икона Остробрамской Божьей Матери с ла-

тинской надписью: «In memoria aeterna erit iustus» («Вечная память праведнику»).

В речи, сказанной на вечере памяти В.С.Соловьева, известный юрист А.Ф.Кони отмечал, что желание соединения церквей, хотя бы в отдаленном будущем, жило в душе философа до конца его дней, оно «и ныне одушевляет многих искренне верующих людей» [9, с.19]. Это желание русского мыслителя воплотилось в XX веке в экуменическом движении. По мнению западноевропейского историка философии Н.Н.Зернова, В.С. Соловьев стал предвестником экуменического движения среди православных христиан и подготовил почву для возрастания социальной активности Церкви.

Говоря о всемирной миссии России, В.С.Соловьев понимал, что первоначально сама Россия должна ликвидировать существенные недостатки, парализующие исполнение этой задачи, в своей действительности. Первое условие для осуществления теократии – полная самостоятельность религиозного начала в обществе - не выполнено. С точки зрения философа, «мы обладаем важнейшим даром Божиим – православною и святою церковью, но церковь не обладает нами» [10, с. 249]. Православная Церковь лишена в России практической самостоятельности и не может свободно направлять ни народную, ни общественную жизнь. Она, поработанная светской властью, представляет собой лишь казенное православие. Философ с болью отмечал, что в русской церкви, покинутой духом истины, свободы и любви, царит «мерзость запустения».

Второе условие для осуществления теократии – «правильное расчленение общественного тела и твердый порядок в его управлении» [10, с. 243], также не создано. В.С. Соловьев констатировал несостоятельность, дезорганизованность общественных сил и отсутствие настоящего правящего класса в России. Глубоко благочестивый, по мнению философа, русский народ еще представляет собой народную массу, а не свободное и энергичное общество личных сил, необходимых для развития социально-экономической области, что является третьим условием в осуществлении теократии. Таким образом, России предстоит положить немало сил для воссоздания образа божественной Троицы.

По глубокому убеждению В.С. Соловьева, дальнейшее развитие России невозможно без религиозной свободы. В заметке «Порфирий Головлев о свободе и вере» философ подчеркивал, что религиозная свобода явля-

ется для русской жизни 90-х годов такой же важной и насущной необходимостью как когда-то потребность в освобождении крестьян. Сорок лет назад одного царского слова было достаточно, чтобы снять с России позор рабства. Также и одной царской воли, по мнению В.С.Соловьева, может быть достаточно, чтобы Россия обрела блага религиозной свободы, не будучи, стесняемой в вопросах религии и совести.

Движением в этом направлении русский мыслитель считал закон Александра III от 3 мая 1883 г., даровавший некоторые богослужбные и гражданские права русским раскольникам. Видя в этом акте доброй воли залог религиозной свободы в России недалекого будущего, В.С.Соловьев написал письмо в 1896 году к вступившему на российский престол императору Николаю II. В нем русский мыслитель подчеркивал, что со времени крещения Руси не было во всей российской истории такого важного дела, как духовное освобождение. Россия «ждет от Вашего величества того блага духовной свободы, без которого она не может проявить свои положительные внутренние силы и исполнить свое высшее назначение» [11, с. 665].

Философ пророчески предупреждал русского монарха о последствиях религиозных притеснений, приводя пример из истории Франции. Людовик XIV, отменив закон веротерпимости, систематически преследовал гугенотов, и принудил их к выселению. Но скоро французская революция показала, как пригодились бы нравственные и умеренные протестанты против неистовых якобинцев. Рассуждая об уроках французской истории в вышеупомянутом письме императору, В.С. Соловьев писал: «Изгнали «еретиков» и воспитали безбожников; изгнали заблуждающихся верноподданных и получили цареубийц. Не гугеноты, а сыны добрых католиков, избавленные от всякой еретической заразы, разрушили во Франции монархию и подкопали церковь» [11, с. 663-664]. Именно так произошло и в России XX века, ибо нет пророков в своем отечестве.

В.С. Соловьев отмечал, что если крепостное право, поработавшая крестьян, развращало помещиков, то без религиозной свободы ни личность, ни общество не могут проявить свои положительные внутренние силы, озариться правдой Христовой и исполнить свое высшее назначение. Законность религиозной свободы, по его мнению, зиждется на христианском принципе справедливости, который гласит: «Итак во всем, как хотите, чтобы с

вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» [Мф.7:12]. Таким образом, по мнению философа, справедливость требует, чтобы православные не стесняли и не ограничивали другие исповедания, так как не желают этого себе.

Нарушение религиозной свободы, с точки зрения В.С.Соловьева, есть нарушение христианских заповедей. Он признавался в своих предсмертных «Трех разговорах»: «Остающиеся у нас ограничения религиозной свободы – одна из больших для меня сердечных болей, потому что я вижу и чувствую, насколько все эти внешние стеснения вредны и тягостны не только для тех, кто им подвергается, но главным образом для христианского дела в России, а следовательно, и для русского народа, а следовательно, и для русского государства» [12, с. 638].

Придя к такому убеждению, В.С. Соловьев считал нужным при всяком случае обличать противников религиозной свободы. И как он сам писал «взял на свою долю добровольное «послушание»: выметать тот печатный сор и мусор, которым наши лжеправославные лжепатриоты стараются завалить в общественном сознании великий и насущный вопрос религиозной свободы» [13, с. 509]. Среди этого «печатного мусора» философ выделял два рода противников: одни, не отвергая начала веротерпимости, ставили его в зависимость от предполагаемых ими национальных и государственных интересов, другие, отрицая веротерпимость в самом принципе, утверждали исключительную свободу только для своей веры. Выразителями этих двух противоречивых взглядов В.С.Соловьев считал Л.А.Тихомирова и В.В.Розанова, посвятив критике их воззрений три статьи в «Вестнике Европы»: «Порфирий Головлев о свободе и вере» (февраль 1894), «Спор о справедливости» (апрель 1894), «Конец спора» (июль 1894).

Особенно В.С.Соловьева возмутила статья В.В. Розанова «Свобода и вера» в первом номере «Русского вестника» за 1894 г., в которой автор решительно заявил, что допущение терпимости в религиозных вопросах есть гнуснейшее меж всеми преступление и корень всякого зла. С точки зрения В.В. Розанова, терпимости нет и не может быть при истинной вере, так как церковь по существу своему нетерпима и все противное православию должно подлежать исчезновению и рассеянию. В.С.Соловьев отмечал, что В.В. Розанов требует религиозной свободы только для себя и ограничения для всего прочего,

обвиняет протестантов и католиков в слабости верии.

В.С.Соловьев был убежден, что утверждение христианства через насилие неприемлемо. «Христос сказал: Я есмь дверь. Позволительно ли христианам силою толкать в эту Дверь одних и силою же не выпускать из нее других?» [11, с. 662] - вопрошает он в письме к Николаю II. «В Евангелии Христос, - продолжал христианский мыслитель, - неоднократно говорил Своим ученикам: *вас будут гнать за имя Мое*, но Он ни разу не сказал: *вы будете гнать других во имя Меня*» [11, с. 663]. Так что же больше соответствует духу Христову: гонящее или гонимое?

В.С.Соловьев, подчеркивал, что как ни тяжелы и обидны эти притеснительные меры для стороны терпящей: иноверцев, сектантов, раскольников, - но для самой господствующей православной церкви они просто губительны. Закрепощение людей в православии лишает русскую церковь нравственной силы и подрывает ее внутреннюю жизнеспособность. «Может ли Церковь Божия жить на земле без духовной борьбы за истину, а возможна ли такая духовная борьба для церкви, крепко огражденной оружием вещественным? С каким успехом можно заблуждающихся убеждать в той истине, во имя которой они уже посажены в тюрьму или со сланы в ссылку?» [11, с. 662], - задавал философ риторические вопросы императору Николаю II.

Отвечая на «тревоги» В.В. Розанова и Л.А.Тихомирова относительно подрыва религиозных устоев русского общества допущением религиозной свободы, В.С. Соловьев отмечал, что принцип равноправности религиозных убеждений, ставший законом во многих государствах, вовсе не включает в себе признания их равноценности. Так, например, в Англии всеобщее равенство религиозных прав прекрасно совмещается с государственным преимуществом господствующей церкви.

В вопросе религиозной свободы В.С. Соловьев большое значение придавал правовой сфере. По его мнению, все вероисповедания должны быть равны перед законом. Нельзя преследовать инакомыслящих за идеи, а только за конкретные преступные действия. Возможные же бесчинства и злодеяния сект и бесовских культов (как их называл Л.А.Тихомиров) должны преследоваться по закону на основании общего права. Именно такой подход в отношении других вероисповеданий может быть в религиозной политике современной России.

В.С. Соловьев считал, что одним из клю-

чевых вопросов в движении России к теократии является национальный вопрос. От него зависела и целостность государства, и его достойное существование, и судьбы народов, населяющих Россию. Поэтому проблемы национальной политики находились в центре внимания различных партий и идеологических направлений, став поводом для многолетних дискуссий на страницах «Руси», «Русского вестника», «Русского обозрения», «Вестника Европы». В.С.Соловьев изложил свою точку зрения в двух выпусках «Национального вопроса в России», в «Оправдании добра», «Великом споре и христианской политике», «Еврействе и христианском вопросе», «Русской идее», «России и Вселенской Церкви», в многочисленных статьях и письмах.

Все национальные вопросы В.С. Соловьев рассматривал в контексте философии всеединства, представляя человечество как великое собирательное существо или социальный организм, живыми членами которого являются отдельные нации. Исходя из такого понимания национального и общечеловеческого, философ считал, что ни один народ не может жить в себе, чрез себя и для себя, потому что жизнь каждого народа представляет собой лишь определенное участие в общей жизни человечества. «Органическая функция, - писал он, - которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни, - вот ее истинная национальная идея, предвечно установленная в плане Бога» [14, с. 220].

В «Оправдании добра» В.С.Соловьев констатировал, что в современном ему обществе ярко выражены два крайних взгляда на народность: космополитический и националистический. Сущность космополитической точки зрения выражается в том, что народность не имеет никакого нравственного значения и ценности, а, следовательно, нет и обязанностей к своему или чужому народу. Горизонт правоты космополитизма ограничивается нападками на ложный патриотизм, причем патриотизм истинный непрестанно обрастает лишь отрицательными определениями.

Продолжая свою критику «отвлеченных начал» и видя их и в идеях космополитизма, русский философ отмечал, что человек входит в человечество через принадлежность к национальности, через национальную индивидуальность, как русский, француз, немец, как национальный человек, а не отвлеченный субъект. «Национальные различия, - подчеркивал он, - должны пребывать до конца ве-

ков; народы должны оставаться на деле обособленными членами вселенского организма. Но сам этот организм должен также существовать на деле» [14, с.241].

В.С.Соловьев предостерегал от ошибки связывать с христианством принцип космополитизма. По его мнению, апостолы не проповедовали безнародность, потому что без национального зерна не было бы христианства как положительного откровения и, следовательно, не было бы заложено основание всемирного Царства Божия. А острие христианского универсализма было направлено против других, более глубоких разделений: религиозных, культурных и социально-экономических. Россия, с точки зрения В.С. Соловьева, решительно подтвердила свое исповедание христианского универсализма, когда в самую важную и славную петровскую эпоху окончательно вышла из национальной замкнутости и явила себя живым членом международного целого. И только тогда, по мнению философа, раскрылась национальная сила России.

Осуждая космополитизм, В.С. Соловьев все же особое внимание уделял другому - националистическому взгляду на народность, преобладающему в российском обществе. Мыслитель подчеркивал, что не следует нарочито делать акцент на самобытности России, превращая ее в самоцель и занимаясь ее искусственным возбуждением. По его мнению, люди и народы бывают самобытны, но сделаться самобытным никто не может.

Стремление сохранить, во что бы то ни стало свое своеобразие и самобытность, стремление выделиться, обособиться, противопоставить себя целому, заострить свою исключительность превращает положительную силу народности в национализм. Под национализмом В.С. Соловьев понимал «превращение живого народного самосознания в отвлеченный принцип, утверждающий «национальное» - как безусловную противоположность «универсального», и «свое родное» - как безусловную противоположность «чужеземного» [15, с. 53]. Национализм, с точки зрения философа, влияет на нацию так же умертвляюще, как эгоизм на личность, а доведенный до крайнего выражения губит впавший в него народ, делая его врагом человечества.

Философ, критикуя со всюю страстью своей натуры, такой извращенный, уродливый и болезненный национализм, называемый им зоологическим, нажил себе врагов в стане поздних славянофилов. А бы-

ло время, когда поборники «русского мессианства» считали В.С.Соловьева своим единомышленником. Но время совместных дифирамбов славянству и русскому народу закончилось с началом 80-х годов. В.С. Соловьев был просто гениальным учеником И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, Ю.Ф. Самарина, сумевшим быть до конца верным требованию старого славянофильства – соборности. Философ с сожалением констатировал, что у поздних славянофилов идея «избранности» русского народа превратилась в народопоклонничество. Националисты создали себе из нации кумира, нарушая тем самым библейскую заповедь: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им» [Исход 20:4-5].

В.С. Соловьев подчеркивал, что служение своей народности как высшей цели, как идолу обрекает этот народ на нравственное одиночество, ибо эта цель не может быть общей в отношении него с другими народами. Для того, чтобы народ был достойным предметом веры и служения, с точки зрения мыслителя, он сам должен верить и служить чему-нибудь высшему и безусловному и таким служением осмысливать и оправдывать свое существование.

Единственно состоятельным и полным принципом политической деятельности В.С. Соловьев считал христианский принцип обязанности и нравственного служения. «Всякий вправе желать, - писал он, - чтобы Россия была солью земли и царством святых, лишь бы только наша нравственная косность не ставила этой патриотической мечты на место патриотической обязанности: трудиться над освобождением России от явных общественных неправд, от прямых противоречий христианскому началу» [16, с. 294-295]. Дав христианское решение всем национальным, религиозным, общественным, экономическим и политическим вопросам Россия сможет всем сердцем и душой войти в общую жизнь христианского мира и «положить все свои национальные силы на осуществление, в согласии с другими народами, того совершенного и вселенского единства человеческого рода, непреложное основание которого дано нам в Церкви Христовой» [14, с. 229].

В.С. Соловьев, как и славянофилы, верил в великое предназначение России. Но, в отличие от них, не признавал предопределения ни в личной, ни в народной жизни, считая, что судьба людей и наций находится в их

доброй воле. Поэтому миссия России в осуществлении теократии всецело зависит от нее самой. В стихотворении «Свет с Востока» В.С.Соловьев писал:

О Русь! В предвиденье высокою
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть востоком:
Востоком Ксеркса или Христа? [17, с.440].

Философ предупреждал, что «если Россия не исполнит своего нравственного долга, если она не отречется от национального эгоизма, если она не откажется от права силы и не поверит в силу права, если она не возжелает искренно и крепко духовной свободы и истины – она никогда не может иметь прочного успеха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних» [18, с. 263].

Таким образом, многие идеи теократического учения В.С. Соловьева, определяющие ориентиры духовного развития России, актуальны и сегодня. Конечно, история XX века изменила реалии российской действительности: нет больше монархии, которая, по мнению философа, должна была стать вторым элементом всемирного теократического устройства. Но многие общественные, политические, экономические, национальные и религиозные проблемы, о которых писал В.С. Соловьев, остались и требуют своего разрешения. Размышления философа о судьбе России и ее теократическом предназначении помогут современному российскому обществу в осмыслении своего прошлого, настоящего и будущего, что станет надежным фундаментом в созидании грядущей духовно-экологической цивилизации.

Литература

1. Емельянов Б.В. Три века русской философии (XVIII XX вв.). – Екатеринбург, 1995.
2. Соловьев В.С. О народности и народных делах России // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.1. – М., 1989.
3. Соловьев В.С. Византизм и Россия // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.2 – М., 1989.
4. Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.1. – М., 1989.
5. Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т.1. – СПб., 1908.
6. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.2 – М., 1989.
7. Соловьев В.С. Предисловие к первому изданию «Национального вопроса в России // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.1 – М., 1989.
8. Соловьев В.С. Письмо в редакцию журнала «Przegląd Polski» // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.2. – М., 1989.

ПОЛЗУНОВСКИЙ АЛЬМАНАХ №1-2 2003

В.С. СОЛОВЬЕВ О ТЕОКРАТИЧЕСКОМ ПРИЗВАНИИ РОССИИ

9. Кони А.Ф. Памяти Владимира Сергеевича Соловьева. – СПб., 1903.
10. Соловьев В.С. Еврейство и христианский вопрос // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.1. – М., 1989.
11. Соловьев В.С. Письмо императору Николаю II // Соловьев В.С. Россия и Вселенская Церковь. – Минск, 1999.
12. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце истории // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.2. – М., 1990.
13. Соловьев В.С. Спор о справедливости // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.2. – М., 1989.
14. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.2. – М., 1989.
15. Философский словарь Владимира Соловьева. – Ростов н/Дону, 1997.
16. Соловьев В.С. Русский национальный идеал // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.2. – М., 1989.
17. Соловьев В.С. Смысл любви. – М., 1991.
18. Соловьев В.С. Предисловие ко второму изданию «Национального вопроса в России» // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.1. – М., 1989.